

НОВАЯ «СТАРАЯ» ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

СВЕТЛАНА ГЕОРГИЕВНА КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР,

Институт экономики РАН,

г. Москва, Россия

Институт экономики Уральского отделения РАН,

г. Екатеринбург, Россия,

e-mail: kirdina@inecon.ru

Цитирование: Кирдина-Чэндлер С.Г. (2021). Новая «старая» институционализация денежного обращения в постсоветской России // *Journal of Institutional Studies* 13(4): 6–24. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.4.006-024

В исследовании институционализации денежного обращения в постсоветской России использован институционально-эволюционный подход, базирующийся на идеях Торстейна Б. Веблена и Йозефа А. Шумпетера, а также Дж. Р. Коммонса. Объектом анализа стали институциональные структуры денежного обращения, наиболее значимые с точки зрения публичного (общественного) интереса. В статье сопоставляются итоги институционализации денежного обращения в СССР и постсоветской России. Особое внимание уделено анализу переходных периодов, в ходе которых происходили отбраковка, фильтрация и коррекция институциональных форм денежного обращения с точки зрения их соответствия общественным целям по развитию социально-экономической системы страны. Выявлены следующие особенности институционального дизайна советской модели: во-первых, наличие однозвенной, иерархической централизованной банковской системы с целевым характером банковского кредита и сосредоточением всего платежного оборота в Госбанке СССР; во-вторых, «трехконтурная система» денежных оборотов с наличными деньгами для обслуживания оборота потребительских товаров, безналичными деньгами для производственного потребления (инвестиций) и инвалютными рублями для международных расчетов; в-третьих, разделение денежных оборотов поддерживалось созданием для обслуживания каждого из них специальных банковских учреждений, подконтрольных Госбанку СССР: Государственных трудовых сберегательных касс, Стройбанка и Внешторгбанка, соответственно; в-четвертых, институты денежного обращения представляли собой внутренний элемент системы планового народного хозяйства СССР и были органично встроены в нее. Институционализация денежного обращения в постсоветской России характеризуется наличием новых (хотя и представленных ранее в истории нашей страны) институтов и имеет следующие черты: во-первых, в стране действует двухуровневая банковская система, верхний уровень представлен Центральным банком РФ, а нижний – банками и небанковскими кредитными организациями; во-вторых, в сфере денежного обращения представлены организации различных форм собственности, при этом государственные формы собственности играют все более значимую роль; в-третьих, активно действует биржа, на которой торгуются акции, облигации, валюта и иные инструменты денежного рынка. Биржевые котировки лежат в основании официального валютного курса, устанавливаемого Центральным банком РФ; в-четвертых, действует Федеральное казначейство, опосредующее движение бюджетных средств. Дополнительным элементом контроля их использования

стали «казначейские счета», на которые перечисляются и откуда используются бюджетные средства для выполнения государственных программ развития. Можно видеть, что процесс институционального обновления денежного обращения связан с возвращением в практику ряда институтов, характерных для дореволюционной и советской истории, поэтому мы и говорим о новой «старой» институционализации денежного обращения в постсоветской России. Основной вектор изменений последних лет связан со все большим признанием общественной значимости данной сферы, обслуживающей публичный интерес. Сделан прогноз о том, что государственное управление процессами денежного обращения в современной России, скорее всего, будет возрастать.

Ключевые слова: денежное обращение; Веблен; Шумпетер; постсоветская Россия; мезоэкономический подход; институционализация; гетеродоксальная экономика; публичный интерес

Благодарность: исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-011-00749).

NEW «OLD» INSTITUTIONALISATION OF MONEY CIRCULATION IN POST-SOVIET RUSSIA

SVETLANA G. KIRDINA-CHANDLER,

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia

Institute of Economics

of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,

Ekaterinburg, Russia,

e-mail: kirdina@bk.ru

Citation: Kirdina-Chandler S.G. (2021). New «old» institutionalisation of money circulation in post-soviet Russia. *Journal of Institutional Studies* 13(4): 6–24. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.4.006-024

For the study of the institutionalization of money circulation in post-Soviet Russia, an institutional-evolutionary approach was used, based on the ideas of Thorstein B. Veblen and Joseph A. Schumpeter, as well as John R. Commons. The object of the analysis was the institutional structures of money circulation, which are the most significant from the public interest point of view. The paper compares the results of the institutionalisation of money circulation in the USSR and post-Soviet Russia. Particular attention is paid to the analysis of transitional periods. In transitional periods there was a rejection, filtration, and correction of institutional forms of money circulation in terms of their compliance with public goals to develop the country's socio-economic system. The following features of the institutional design of the Soviet model are identified: first, the presence of a single-link, a hierarchical, centralized banking system with the concentration of the entire payment turnover system in the State Bank of the USSR; second, the existence of a "three-circuit system" of money turnover with cash for servicing the turnover of consumer goods, non-cash money for industrial consumption (investment) and convertible rubles for international export-import payments; third, the division of money turnover was supported by the creation of special banking institutions for servicing each of them, controlled by the State Bank of the USSR - the "State Labour Savings Banks", "Sstroybank" and "Vneshtorgbank", respectively; fourth, the institutions of money circulation were an internal element of the system of the planned national economy of the USSR and were organically integrated into it. The institutionalisation of money circulation in post-Soviet Russia is characterized by the presence of new (albeit previously represented in the history of our country) institutions and has the following features: first, a two-tier banking system, the upper level of which is represented by

the Central Bank of Russia, and the lower level is represented by banks and non-banking credit institutions; second, organizations of various forms of ownership operate in the sphere of money circulation, while state forms of ownership are playing an increasingly significant role; third, there is a stock exchange where stocks, bonds, currencies and other instruments of the money market are traded. The official exchange rate set by the Central Bank of Russia is based on stock quotes; fourth, the Federal Treasury operates to mediate the movement of budgetary funds. An additional element of control over their use is the introduction of "treasury accounts", to which budget funds are transferred and from where they are used for the implementation of state development programs. As a result, one can see that the process of institutional renewal of money circulation in post-Soviet Russia is associated with the return to a number of institutions characteristic of pre-revolutionary and Soviet history. Therefore we can talk about a new "old" institutionalisation of money circulation in post-Soviet Russia. The main vector of changes in recent years is associated with the increasing recognition of the social significance of this sphere, serving the public interest. A forecast has been made that state control over the processes of money circulation in modern Russia is likely to increase.

Keywords: money circulation; post-Soviet Russia; Veblen; Schumpeter; mesoeconomic approach; institutionalisation; heterodox economics; public interest

Acknowledgement: This publication has been prepared in the framework of the project funded by the Russian Foundation for Basic Research (project № 20-011-00749).

JEL: B52, E02, E42, E52, P35

Введение

Роспуск Советского Союза в 1991 г. с одновременной трансформацией экономической системы и денежного обращения стал для российских экономистов своего рода исследовательским кейсом. Появилась возможность воочию наблюдать, как на обломках прежней структуры возникают новые денежные институты, необходимые для становления и развития рыночной экономики, провозглашенной целью предпринятых преобразований. Как правило, антропологам, историкам, а вслед за ними и экономистам приходится вглядываться в глубь веков, чтобы разглядеть, как в том или ином обществе происходила институционализация денежного обращения. Нам же выпала возможность увидеть этот процесс своими глазами.

Используя терминологию теории институциональных X-Y-матриц (Кирдина, 2014 [2001, 2000]), можно сказать, что мы стали свидетелями социального эксперимента, когда экономические, политические и идеологические институты характерной для России X-матрицы стали активно заменяться альтернативными институтами Y-матрицы¹. Среди них были и институты денежного обращения, обеспечивающие «непрерывное повторение денежного оборота» (Челноков, 2008: 75–76) для воспроизводства национальной социально-экономической системы.

Удалась ли эта попытка? Насколько кардинальными были последующие изменения? Цель статьи состоит в том, чтобы, исследуя данный историей кейс, увидеть *общее и особенное* в денежном обращении современной постсоветской России по сравнению с советским периодом. Нас, прежде всего, будут интересовать обслуживающие денежное обращение институциональные структуры и результаты их деятельности с точки зрения публичного (общественного) интереса².

В данной работе мы развиваем теоретический подход, изложенный ранее в статье «Механизм денежного обращения как объект мезоэкономического анализа» (Кирдина-Чэндлер, 2019). В ней были показаны методологические ограничения исследования денежного обращения

¹ Базовыми институтами X-матрицы являются комплексы экономических институтов редистрибуции, унитарных институтов политического устройства и коммунитарной идеологии. Соответственно, базовые институты Y-матрицы – институты рыночной экономики, федеративного политического устройства и индивидуалистской идеологии. Институциональная структура любого государства формируется на основе базовых институтов обеих матриц, при этом одна из них занимает доминирующее положение (например, в России, Китае и многих других странах – это X-матрица, а в США и других западных странах – Y-матрица), а другая является необходимым комплементарным дополнением. Доминирование той или матрицы является исторически устойчивым (Кирдина, 2014 [2000]) и обусловлено внешними условиями существования государств, в том числе климатическими особенностями (Кирдина-Чэндлер, Кузнецова, Сенько, 2015).

² Предметом исследования не являются технологические изменения (внедрение электронных денег, создание криптовалюты и проч.) в сфере денежного обращения.

в ортодоксальной микро- и макроэкономической теории и предпринята попытка обоснования мезоэкономического анализа денежного обращения с опорой на принцип методологического институционализма. Суть его состоит в рассмотрении институтов как своего рода инфраструктуры (или мезоэкономической структуры), необходимой для воспроизводства социально-экономических систем. С этой точки зрения денежное обращение представляет собой взаимосвязанный комплекс организаций и каналов для производства (создания) и движения (распределения) денег в экономике и обществе, которые действуют на основе правил, принятых на уровне системы в целом, т.е. государства. Другими словами, нас интересует институциональная инфраструктура денежных оборотов. Аналогичный подход к анализу денег и денежного обращения разделяется рядом российских и зарубежных авторов, которые отмечают, что «деньги главным образом обеспечивают инфраструктуру для координации» (Говтвань, 2020: 60; Ricks, 2018) участников экономической деятельности в развивающейся экономике и создают «инфраструктуру власти» (Mann, 1986).

Подробнее развитие используемого подхода и методология анализа денежного обращения будут рассмотрены в следующем, втором разделе. В третьем разделе будет представлена институциональная структура денежного обращения в СССР, которая предшествовала постсоветским трансформациям. В четвертом разделе будут рассмотрены особенности институционализации денежного обращения в постсоветской России, в том числе в контексте публичного интереса. В заключение будут обобщены полученные результаты.

Теоретические основания и определение терминов

Вынесенный в заголовок статьи термин «институционализация» требует разъяснения. Нескончаемый поток институциональных исследований приводит к росту различных «институционализмов», обусловленных возрастанием «институциональной сложности» социально-экономических процессов (Фролов, 2020). Отсюда обилие интерпретаций используемых институционалистами понятий. В связи с этим в российском научном сообществе постепенно формируется консенсус по поводу отсутствия единой однозначно понимаемой институциональной терминологии (Верников, 2020) и недостаточной «чистоты терминологического поля институционального анализа» (Балацкий, 2020: 24). Это ставит под сомнение создание единой институциональной экономической теории (Вольчик, 2012: 5; Тамбовцев, 2021: 33), по крайней мере, в ближайшей перспективе.

Поэтому использование даже таких основополагающих для институционалистов терминов, как «институтъ» или «институционализация», ввиду многозначности их трактовок каждый раз требует пояснения.

Сначала отметим то, что, видимо, объединяет практически всех экономистов, изучающих институты. Во-первых, они признают их значение для экономического развития (*institutions matter*) и важнейшую координирующую роль для снижения неопределенности экономических взаимодействий. Во-вторых, принимается во внимание дуальная природа институтов и отмечается их субъективно-объективное единство. Это означает, что институты одновременно и субъективны, поскольку создаются людьми в ходе их деятельности, и объективны, так как, будучи созданными, образуют рамки, объективные условия и ограничения для осуществления этой деятельности.

Что касается различий, то, на наш взгляд, в концентрированном виде их можно обобщить в рамках ортодоксального (неоклассического) и гетеродоксального подходов.

В ортодоксальной экономической теории фокус исследований направлен в основном на субъективную сторону институтов, а их изучение опирается, как правило, на **микрооснования**. Основная задача состоит в том, чтобы определить, «какие правила, регулирующие взаимодействия людей, одновременно помогут облегчить им процесс достижения их личных целей и заставят каждого отдавать себе отчет в том, как их действия влияют на других людей» (Боулз, 2011: 23). *Homo economicus* и характерные для него модели поведения (универсальные с точки зрения принятых в неоклассике аксиом, т.е. опирающиеся на экономическую рациональность

и стремление к максимизации полезности), таким образом, становятся отправной точкой при институциональном анализе. Основные функции и причины создания институтов исследуются, прежде всего, с точки зрения их роли для взаимодействия экономических акторов в рыночной равновесной экономике. Равновесие, как известно, составляет еще одну аксиому неоклассической экономической теории. Поэтому институты можно определить как «коллективное действие по контролю, освобождению и расширению индивидуального действия» (Коммонс, 2012: 70) в стремящейся к равновесию экономической системе.

В свою очередь, в гетеродоксальной экономической традиции исследователи сосредоточены на изучении институтов как объективно складывающихся структур экономической координации и зачастую – явно или неявно – опираются на **мезооснования**. При таком подходе главная цель состоит в определении того, в какой мере и какой именно институциональный дизайн, оформляющий множество экономических отношений (микроуровня), обеспечивает (на макроуровне) необходимое расширенное социально-экономическое воспроизводство при данных условиях – пространственных, временных, технологических, глобально-политических и др. Институциональная среда, таким образом, рассматривается не столько с точки зрения обеспечения гармонизации интересов *всех* участников экономической деятельности (что практически недостижимо), но прежде всего как инструмент, динамичная инфра(мезо)структура (в том числе инфраструктура власти) для обеспечения эволюции экономической системы в целом.

В данной работе при анализе денежного обращения мы будем следовать гетеродоксальной традиции, объединяющей институциональный и эволюционный подходы. Основные идеи, на которые мы опираемся, представлены в работах таких выдающихся неортодоксальных экономистов, как Торстейн Б. Веблен (1857–1929) и Йозеф А. Шумпетер (1883–1950). Отметим те идеи, которые представляются наиболее важными для нашего анализа.

Веблен одним из первых связал исследование институтов и экономическую эволюцию, когда определил, что «эволюционная экономика должна быть теорией культурного роста как процесса, определяемого экономическим интересом, теорией кумулятивной последовательности экономических институтов, сформулированной в терминах процесса» (Веблен, 2006 [1898]: 28; Veblen, 1898: 393). При этом он отмечал, что институты являются не только результатом процессов естественного отбора и адаптации, но, воплощая в себе способы существования общества, являются одновременно «эффективным фактором отбора» для закрепления практик социальной жизни (Veblen, 1899: 188). Как отмечает Тони Лоусон, в свое время Веблен был одним из немногих экономистов, кто обращал внимание на причинно-следственные связи в экономике, обобщив их в термине *cumulative causation*, или кумулятивной причинности³ (Lawson, 2014: 993). В этом смысле прошлые отношения всегда содержатся в настоящих, и мы не можем этим пренебрегать при анализе институтов и их эволюции.

Когда мы говорим о вкладе Веблена в анализ денежного обращения, то следует выделить отмеченную им роль «денежной инициативы» и кредита в неравномерности и цикличности экономического развития (Veblen, 1958). У Веблена кредит «имеет решающее значение для его описания бизнес-цикла и кризисной фазы, которая ведет к ликвидации» (Wray, 2007: 621). Это дает основание современным исследователям интерпретировать взгляды Веблена таким образом, что банки являются важнейшей структурой в экономической эволюции, а «банковская политика является основным фактором в генерации кризисов» (Davanzati, Pacella, 2014: 1043).

Шумпетер дополнил понимание эволюции как процесса не столько изменений, сколько обновлений. Согласно известному определению Шумпетера, «эволюция является нарушением существующих структур ... и больше похожа на серию взрывов, чем на мягкий процесс, происходящий через непрекращающиеся преобразования» (Schumpeter, 1939, vol. I: 102). Таким образом, эволюция подразумевает постоянное создание новых структур, что формирует процесс развития.

Ядром шумпетерианской теории экономического развития и бизнес-циклов (Schumpeter, 1934, 1939) является представление о так называемом «аномальном кредите» (*abnormal credit*), когда

³ Дальнейшее развитие этого принципа представлено в (Myrdal, 1944), а также в таких категориях, как path dependence (David, 1985; North, 1990; Leibovitz, Margolis, 1995) и «возрастающая отдача институтов» (Arthur, 1994).

банки перераспределяют «покупательную способность» денег в пользу тех, кто играет наиболее активную роль в экономических изменениях (Шумпетер называл их предпринимателями-новаторами). В отличие от неоклассиков-ортодоксов Шумпетер, вслед за Вебленом, обосновывал ключевую роль иерархической банковской системы в управлении и регулировании экономической жизни и ее динамики, а деньги рассматривал как объемлющую «систему “социального учета”» (social accounting system) в экономике (Lakomski-Laguerre, 2016: 489)⁴.

Кроме того, Шумпетер близок нам потому, что считал важным включать в экономический анализ наряду с историей, статистикой и (экономической) теорией также экономическую социологию в качестве дополнительного, но необходимого элемента арсенала экономиста (Шумпетер, 2004, гл. 2). Включение экономической социологии в экономический анализ означает для Шумпетера в первую очередь внимание к институтам, в которых «абсорбируются» результаты взаимодействий, происходящих на всех уровнях общественной жизни. Но также институты отражают доминирующее положение социальных групп (и лидеров) в обществе (Schumpeter, 1934: 107). Вслед за исследователями шумпетеровского наследия можно повторить, что «для Шумпетера экономическая социология или социальные институты являются не просто дополнением к экономическому анализу. Они скорее представляют собой логический приоритет для него» (Festre, Nasica, 2009: 332). В работах Шумпетера институциональные изменения становятся центром исследований экономической динамики⁵, и она понимается им как «такие изменения в экономической жизни, которые не навязаны ей извне, а возникают ... изнутри» (Schumpeter 1934: 63). Деньги Шумпетер также исследует как социальный институт⁶, «дизайн» которого зависит от конкретных исторических условий (Lakomski-Laguerre, 2016).

Джон Коммонс – еще один известный институционалист, также подошел к анализу денежного обращения как социального института, как «коллективного инструмента для создания, переговоров и освобождения от долгов» (Commons, 1934: 278), подтвержденного законом и обычаями. Поэтому он рассматривал деньги и денежное обращение как «фундаментальное социологическое понятие» (Commons, 1934: 471). Исследователи отмечают, что для Коммонса «существенный» атрибут денег состоит не в их материальных, а институциональных характеристиках, потому что определяется правилами, включая как формальные, например законы, так и неформальные, например обычаи (Sakaguchi, 2020: 977). Поэтому Коммонс, признавая универсальность функций денег и денежного обращения, отмечал историческое разнообразие характерных для их организации инструментов и правил, которые развивались в различных обществах (Commons, 1934: 461).

Суммируя результаты данного обзора, представим основные особенности нашей программы анализа денежного обращения в постсоветской России:

- в основе исследования лежит институционально-эволюционный подход;
- во внимание принимаются эффекты кумулятивной причинности и path dependence, т.е. причинно-следственные связи, обуславливающие историю развития институтов;
- одновременно эволюция рассматривается как процесс институционального обновления, что сопровождается как «взрывным» созданием новых структур, так и дискретными нарушениями существующих структур изнутри;
- денежное обращение подлежит анализу не изолированно, а в контексте экономического развития и в единстве формализованных и неформализованных практик;
- фокус исследования – институциональные структуры, обеспечивающие денежное обращение (среди них банковская система прежде всего);
- принимается во внимание неоднородность денежных инструментов.

Итак, объект нашего исследования – *институционализация* денежного обращения в постсоветской России. Под институционализацией денежного обращения понимается процесс

⁴ В 2020 г. в нашем журнале опубликован перевод этой статьи: Лакомски-Лагерр, О. (2020). Кредитная сущность денег глазами Йозефа Шумпетера: вклад в «монетарный анализ» капитализма // Journal of Institutional Studies, 12(4): 54–76.

⁵ Фундаментальная книга Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия» служит подтверждением.

⁶ Важно подчеркнуть, что Шумпетер не отделял деньги и денежное обращение от их «экономических оснований», т.е. не рассматривал их как чисто политический институт, что характерно, например, для французских философов (Gilles Deleuze, Pierre-Félix Guattari, Paul-Michel Foucault и др.).

формирования и изменения институтов, обеспечивающих создание и движение денег во внутреннем и внешнем⁷ экономическом обороте страны, инициируемых как «сверху», так и «снизу», т.е. со стороны государственных, региональных и муниципальных органов, с одной стороны, и со стороны групп экономических субъектов, с другой. Хотя за созданием институтов стоят целеполагание, воля и деятельность субъектов разного уровня, собственно процесс формирования и развития институтов представляет собой способ самоорганизации социальной экономической системы под влиянием различных внешних и внутренних факторов.

В свою очередь, при определении *институтов* денежного обращения мы опираемся на мезоэкономический подход, при котором институты отражают не локальные, а системные необходимые связи, обеспечивающие воспроизводство и развитие экономической системы в целом. С этой точки зрения формирование, адаптация и изменения институтов денежного обращения рассматриваются, прежде всего, в контексте того, в какой мере они обеспечивают развитие национальной экономики в целом. Другими словами, нас интересует, насколько институты как мезоэкономические структуры обслуживают, прежде всего, публичный интерес. В этом смысле наша позиция близка к позиции ряда правоведов, исследующих денежное обращение в России с аналогичной точки зрения (Крылов, 2020, 2021; Саттарова, 2016).

Денежное обращение, как известно, включает движение денег (точнее, денежных знаков⁸) между хозяйствующими субъектами, обеспечивая обмен товарами и услугами, депозитно-кредитные операции, распределение и использование бюджетных ресурсов (Белоглазова, Толоконцева, 2013). Структуры, поддерживающие эти процессы, включая сами денежные единицы (носители денег) и правила их создания и действия, рассматриваемые в контексте выполнения ими системных функций, составляют предмет нашего исследования. Задача – выделить институциональные контуры движения денег на различные нужды и правила их движения по этим контурам в советской и постсоветской России.

Денежное обращение в советской России⁹

В СССР, в соответствии с теорией институциональных X-Y-матриц, доминировала X-матрица. Это определяло специфику действующих в стране экономических, политических и идеологических институтов. Соответственно, денежная финансово-кредитная система имела преимущественно централизованный характер со свойственной ей моделью формирования и функционирования банков, известной как *top-down model* (подробнее см. Верников, Кирдина, 2010; Vernikov, Kirdina, 2013).

В свою очередь, советская система организации денежного обращения в значительной степени наследовала особенности дореволюционной структуры, в которой доминировали государственные кредитные учреждения¹⁰. История свидетельствует, что многочисленные попытки развития в царской России альтернативных частных институтов, например, в виде паевых и акционерных коммерческих банков с крупными собственными капиталами (этот процесс получил наибольшее развитие с середины XIX в.), не привели к кардинальному изменению институционального дизайна процессов денежного обращения. Здесь доминировали казенные (государственные) банковские учреждения. В результате «дореволюционная банковская система России представляла собой взаимодействующую структуру казенных банков разного уровня и сеть частных банкирских домов, в том числе иностранных» (Верников, Кирдина, 2010: 256), при этом иностранцам принадлежало 34% акционерного капитала банков (Кара-Мурза, 2016).

⁷ На начальном этапе исследования основное внимание будет уделено денежным оборотам внутри страны.

⁸ О различении денег и денежных знаков подробнее см. (Гуля, Кудревич, 2021: 120).

⁹ Рассматривается период до 1987 г., когда фактически уже начались реформы в сфере денежного обращения, окончательно завершившиеся в постсоветской России.

¹⁰ Важным элементом денежно-финансовой системы было также Казначейство, ведавшее государственными доходами и расходами.

Централизация системы денежного обращения¹¹ еще более усилилась после Великой Октябрьской социалистической революции¹², которая случилась в ночь с 25 на 26 октября (6–7 ноября по новому стилю) 1917 г. Уже 14 (27) декабря Центральный Исполнительный Комитет – высший орган новой Советской власти – принял Декрет о национализации банков. Декрет постановил считать банковское дело государственной монополией и объявил о слиянии частных банков с национализированным к тому времени Государственным банком (Декреты Советской власти, 1957: 230). Этот декрет был принят «в интересах правильной организации народного хозяйства, в интересах решительного искоренения банковской спекуляции и всемерного освобождения рабочих, крестьян и всего трудящегося населения от эксплуатации банковским капиталом» (Там же). Через год 8 декабря 1918 г. на всей территории России были полностью ликвидированы иностранные банки (Кара-Мурза, 2016). Также с 1918 г. было расформировано и сохранявшееся с дореволюционных времен Казначейство, а его функции в конечном счете были переданы Государственному банку СССР и его территориальным органам¹³.

Коррекция институтов денежного обращения произошла в период НЭПа (новой экономической политики), который в 1920-е гг. сменил период «военного коммунизма». Была проведена денежная реформа, запустившая параллельное обращение двух видов денег – так называемых совзнаков («советских денежных знаков»), которые быстро обесценивались, и твердых «золотых червонцев», которые были обеспечены драгоценными металлами и устойчивой иностранной валютой. Эмиссия совзнаков использовалась для финансирования дефицита госбюджета. Когда дефицит снизился до разумных пределов, совзнаки были отменены (1924 г.), и в обращение вошла единая национальная валюта в виде казначейских билетов (известных нам «рублей»). «Золотые червонцы» стали использоваться для международных расчетов. В период НЭПа стала развиваться кредитная система. В систему денежного обращения вновь вернулись коммерческие банки, которые стали активно привлекать иностранный капитал. Появились (скорее, возродились) местные коммунальные и кооперативные банки, развивалась система сельскохозяйственного кредита, возникли акционерные банки для долгосрочного кредитования промышленных инвестиций (подробнее см. Андрушин, 1998).

Внедрение рыночных механизмов в сферу денежного обращения (или «товарно-денежных отношений» в советской терминологии) в этот период было вызвано внутренними потребностями развития экономики. Среди них – необходимость ее возврата от «натурального хозяйства» к нормальной денежной форме, устранение диспропорций между производством и потреблением, налаживание связей с внешним миром. Однако организация денежного обращения во время НЭПа не в полной мере способствовала решению долгосрочных задач экономического развития. С одной стороны, государство в этот период занимало ключевые позиции в промышленности путем создания трестов (Самохин, 2001: 223). С другой стороны, в кредитно-банковской сфере его позиции были потеснены. Так, снизилась доля Государственного банка в общих кредитных вложениях всей банковской системы: если в 1923 г. она составляла две трети, то на 1 октября 1926 г. – 48%, т.е. менее половины. При этом доля коммерческого кредита при обслуживании сделок по продаже товаров составляла до 85% (подробнее об этом периоде см. Уразова, 2008).

Проведенная в ходе НЭПа реформа институтов денежного обращения не позволила организовать такое движение денежных потоков, которое бы обеспечивало необходимые объемы инвестиций для промышленной модернизации и устойчивое социально-экономическое развитие страны. Экономические диспропорции выражались в росте безработицы среди городского населения и торговом дисбалансе между городом и деревней, а также в снижении суверенизации экономики в результате роста концессий, превалировании технологий из-за рубежа и т.д.

Как мы отмечали выше, банки, по Шумпетеру (и Веблену), являются структурами эволюции, изнутри толкающими экономики к развитию. Так и для советской России одним из способов

¹¹ Мы опускаем период Первой мировой войны, а также ситуацию до и после Февральской революции 1917 г., когда по сути начался процесс распада российской денежной системы. В этот период в стране не хватало денежных знаков, произошло обвальное обесценение денег на фоне неуправляемой инфляции, а на территории страны появились независимые региональные центры «денежной» эмиссии.

¹² Название соответствует советской официальной историографии.

¹³ <https://roskazna.gov.ru/o-kaznachejstve/istoriya/>

решения экономических проблем стала реорганизация банковской системы в 1928–1929 гг., а затем кредитная реформа 1930–1932 гг. (после нее Госбанк СССР стал единоличным эмитентом не только наличных денег, но и кредитной эмиссии). По содержанию каждая из реформ была «диаметрально противоположной подходам НЭПа и явилась, по существу, подготовительным этапом к внедрению административно-командных методов» (Уразова, 2008: 80; Андрюшин, 1998: 295). Однако они позволили перенаправить «покупательную способность» денег в экономике в пользу обновляющегося национального хозяйства, обеспечить необходимую индустриализацию промышленности за счет перераспределения денежных потоков, а также усилить роль денег как системы «социального учета».

В 1930-е гг. был задан вектор институционализации системы денежного обращения в СССР, важнейшими чертами которой являются следующие:

- сворачивание коммерческого кредита и вексельных операций между банками и переход к **однозвенной, иерархической и централизованной банковской системе** с целевым характером банковского кредита и сосредоточением всего платежного оборота в Госбанке СССР;
- **функциональное разделение денежных оборотов в соответствии со сферой обращения («трехконтурная система» денежных оборотов)**. Если до 1930-х гг. институционально обособлялись два денежных оборота, обслуживаемые различными денежными единицами (внутренний оборот с рублями и внешний оборот с золотыми червонцами), то затем во внутреннем обороте были институционально обособлены наличный (потребительский) и безналичный (производственный) обороты со своими деньгами: «наличными рублями» и «безналичными рублями». «Наличные рубли», выдаваемые в виде заработной платы и социальных выплат на руки населению, обслуживали оборот потребительских товаров¹⁴. «Безналичные рубли» направлялись на счета социалистических предприятий (других в стране долгое время официально не существовало) и были предназначены для развития производства (приобретение и ремонт оборудования, строительные материалы, новое строительство и т.п.) в соответствии с планами-сметами. Затраты на оплату труда в сметах, например, на новое строительство, строго регулировались (фактически ограничивались) нормативами не более 15% (подробнее см., например, Гусаков, Дымшиц, 1951: 213). «Инвалютные рубли» использовались для международных расчетов. Таким образом, в стране были институционально выделены три денежных кругооборота: на цели потребительского потребления внутри страны «наличные рубли», на цели производственного накопления (инвестиции) внутри страны «безналичные рубли», на цели внешней торговли «инвалютные рубли» (здесь также использовались иностранная валюта и иные инструменты для международных расчетов, например, золото). Будучи институционально обособленными, деньги в СССР образовывали единую «систему социального учета»;
- **организационное разделение денежных оборотов (система специализированных государственных банков)**. Эта система «спецбанков» окончательно оформилась в 1960-е гг. Она включала¹⁵ Стройбанк СССР (Всесоюзный банк финансирования капитальных вложений), который концентрировал и распределял безналичные деньги, направляемые на инвестиции (капитальное строительство производственных и социальных объектов, образование запасов материальных ценностей и производство строительно-монтажных работ); Гострудсберкассы (Государственные трудовые сберегательные кассы СССР), которые обслуживали наличный оборот и осуществляли расчетно-кассовое обслуживание населения и организаций, привлекали свободные средства населения и т.п.; и Внешторгбанк (банк для внешней торговли СССР), который осуществлял валютные операции, операции с драгоценными металлами, расчеты по экспорту-импорту и

¹⁴ Вклады, аккредитивы и другие финансовые инструменты, используемые населением, формально имеющие безналичную форму, обслуживали, тем не менее, этот же оборот.

¹⁵ Информация о спецбанках СССР представлена в Большой Советской Энциклопедии, изданной в СССР в 1969–1986 гг. (<https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/130/index.htm>)

кредитование внешней торговли. Независимо от организационно-правовых форм (например, Стройбанк был создан в результате объединения трех специализированных государственных банков, Внешторгбанк был акционерным обществом, в числе акционеров которого, наряду с Госбанком СССР, были министерства, внешнеторговые организации и др., а Гострудсберкасссы, как следует из их Устава 1977 г., были «единым общесоюзным кредитным учреждением»), все спецбанки находились в ведении¹⁶ Госбанка СССР. Общее руководство Госбанком СССР было необходимо потому, что денежные обороты были взаимосвязаны и потому требовали единого рассмотрения (и управления)¹⁷;

- **институты денежного обращения представляли собой внутренний элемент системы планового народного хозяйства СССР¹⁸**, они были органично встроены в нее. Основными задачами системы денежно-кредитных отношений в СССР (подробнее об этом см. Денежное обращение в СССР, 2011) было обеспечение соответствия «суммы денежных средств противостоящему ей материальному эквиваленту», координация «роста денежных средств и хозяйственного оборота» и обеспечение заданных пропорций использования национального дохода на накопление и потребление, а также между отраслями, например между промышленностью группы А (производство средств производства) и группы Б (производство предметов потребления). Безналичная эмиссия Государственного банка (кредитный план страны) базировалась на показателях народнохозяйственного плана и бюджета государства, а наличная эмиссия – на планах по росту производительности труда и розничному товарообороту. Задача денежного обращения состояла «в повышении роли денег как инструмента планомерного обращения общественного продукта, распределения национального дохода, усиления стимулов производительности труда членов общества и трудовых коллективов, укрепления и развития хозяйственного расчета» (Денежное обращение в СССР, 2011: 19). Одновременно денежное обращение рассматривалось как «обязательное условие дальнейшего подъема благосостояния трудящихся» (Денежное обращение в СССР, 2011: 20), предусмотренное планами развития страны.

В рамках данной институциональной системы денежного обращения действовали запреты на совершение определенных действий с деньгами «на уровне диспозиции нормы права, возлагающей на субъект юридическую обязанность воздержаться от запрещенных действий» (Крылов, 2018: 28).

Денежное обращение в постсоветской России

Динамика процессов постсоветской институционализации денежного обращения носила противоречивый характер. На начальном этапе 1990-х она напоминала 1920-е гг., т.е. времена НЭПа. На параллели между тем периодом и этапом бурного роста количества банков в начале 1990-х гг. указывает в частности (Уразова, 2008: 69). Однако, как мы покажем ниже, «доНЭПовские» феномены тоже имели место. Более того, постсоветская «обратная перемотка»¹⁹ в сфере денежного обращения была куда более глубокой и аккумулировала феномены, характерные также и для дореволюционного периода. Эффекты кумулятивной причинности, на которые обращал внимание Веблен, оказываются легко наблюдаемыми при анализе институционализации денежного обращения в нашей стране.

Начнем по порядку. Истоками постсоветской институционализации денежного обращения были события, которые стали происходить еще накануне роспуска СССР, а именно в 1988–1991 гг. Во-первых, после принятия Закона «О кооперации в СССР» в мае 1988 г. стало возможно создание коммерческих банков – в 1988 г. на территории РСФСР было зарегистрировано уже 25 кооперативных и коммерческих банков (Кротов, 2008а). Создание кооперативов

¹⁶ Строгого определения того, что значит «находиться в ведении», найти не удалось. По этому поводу не прекращаются дискуссии правоведов. По смыслу это означает «находиться под административным управлением», «быть в зоне ответственности», «подлежать контролю».

¹⁷ Например, Госбанк СССР устанавливал для спецбанков «лимиты предельного кредитования» (Денежное обращение в СССР, 2011: 20).

¹⁸ Этот факт объясняет, почему денежная система в начале 1990-х гг. развалилась одновременно с плановой системой управления народным хозяйством. Подробнее об этих событиях см. (Полищук, 2013).

¹⁹ Автор это выражения Глеб Баранов (Баранов, 2017).

запустило также процесс превращения безналичных денег (которые кооперативы получали за выполнение заказов от государственных предприятий) в наличные, так как ограничений на выплату заработной платы в кооперативах сначала не было. Тем самым начали размываться пропорции наличного и безналичного оборотов, ранее обособленные и подлежащие строгому контролю Госбанка СССР. Во-вторых, были осуществлены денежно-кредитные реформы 1987 г. (Постановление № 821 ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О совершенствовании системы банков в стране и усилении их воздействия на повышение эффективности экономики») и 1990–1991 гг., которые начались «еще в условиях перестройки под лозунгом создания двухуровневой банковской системы... был снят запрет на коммерческий кредит и вексельное обращение, существенно изменились условия и объем внешних заимствований» (Полищук, 2013: 31). Также «в 1990 году денежным реформам предшествовал отказ от валютной монополии, который привел к валютному замещению и неофициальной долларизации платежного оборота» (Там же: 29–30). Эти новшества способствовали дальнейшему перемешиванию денежных оборотов, ранее строго разделенных.

После объявления суверенитета все российские республиканские банки (отделения Госбанка СССР и специализированных советских банков) были объявлены собственностью РСФСР, а все учреждения этих государственных банков на местах Верховный Совет РСФСР постановил преобразовать в коммерческие банки. В результате количество коммерческих и кооперативных банков в России на 1 января 1992 г. составляло уже 1360²⁰. Наряду с процессами, запущенными еще в позднем СССР, эти и последующие действия кардинально изменили институциональную систему денежного обращения в постсоветской России.

Процесс новой институционализации денежного обращения сопровождался явлениями, которые и ранее наблюдались в переходные периоды. Во-первых, получили параллельное хождение различные денежные знаки²¹. Наряду с казначейскими билетами сначала советского (до 26 июля 1993 г.), а потом российского образца, в расчетах активно использовались доллары и евро: так, в этих валютах повсеместно указывались цены, особенно на дорогостоящие товары. И хотя 6 марта 1993 г. вышло постановление правительства России «Об усилении валютного и экспортного контроля и о развитии валютного рынка», рекомендовавшее Центральному банку Российской Федерации запретить «расчёты между резидентами на территории России в иностранной валюте», его результатом стала лишь повсеместная смена ценников со словом «доллар» на «у.е.»²², а хождение долларов, «спрятанных» за у.е., продолжалось. Во-вторых, как и в послереволюционный «доНЭПовский» период, из-за кризиса наличности некоторые регионы стали выпускать свои денежные суррогаты, например в виде «потребительских казначейских билетов» (Полищук, 2013: 33). В-третьих, повсеместным стал бартерный характер экономики, когда вместо обращения денег между предприятиями имел место прямой товарообмен. Это явление известно как «экономика неплатежей» (подробнее об этом см. Делягин, 1997). Таким образом, система денежного обращения «оторвалась» от реальной экономики, которую она прежде обслуживала. В-четвертых, в этот переходный период не был налажен эффективный механизм контроля над обновлявшейся банковской системой (которая была представлена преимущественно частными коммерческими банками) со стороны государства. Также отсутствовали механизмы балансировки доходов и расходов государственного бюджета, поскольку была недостаточной координация между жесткой денежной политикой Центрального банка, отказавшегося к 1995 г. от эмиссионного финансирования госбюджета и целевых централизованных кредитов отраслям экономики, с одной стороны, и действиями законодательной власти в лице Государственной думы и исполнительной власти в лице президента, принимавших эти бюджеты, с другой стороны. В результате принимаемые бюджеты не были финансово обеспеченными. Экономический кризис 1998 года, высшей фазой которого стали технический дефолт по основным видам государственных

²⁰ Согласно «Годовому отчету Центрального банка Российской Федерации за 1992 год».

²¹ В настоящий момент параллельное денежное обращение запрещено Конституцией Российской Федерации (Крылов, 2016: 536).

²² «Условные единицы», маскировавшие оборот долларов (и евро), были распространены вплоть до 2005 г. Общий запрет на осуществление валютных операций между резидентами начал действовать только с 15 июня 2004 г. согласно Федеральному закону «О валютном регулировании и валютном контроле» от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ, ст. 9, п. 1.

обязательств²³ и катастрофическое обесценение рубля, подвел своеобразный итог неэффективности системы денежного обращения, которая создавалась по образцу экономических институтов Y-матрицы методом «проб и ошибок». Однако кризис запустил процесс ее дальнейшей коррекции и привел к обновлению институционального дизайна денежного обращения в постсоветской России. Вот его важнейшие черты:

- в стране действует **двухуровневая банковская система**, верхний уровень которой представлен Центральным банком (ЦБ) РФ, а нижний – кредитными организациями (банками и небанковскими кредитными организациями). «С 2013 года ЦБ получил функции мегарегулятора, став органом регулирования и надзора за всеми участниками финансового сектора, включая банки, биржи, страховые компании, пенсионные и инвестиционные фонды»²⁴. Например, Центробанк устанавливает нормативы расходования средств по различным направлениям их деятельности с целью предупреждения рискованной политики, имеет право отзывать лицензию и удалять участников с рынка, контролируя тем самым эффективность всей финансовой системы страны²⁵. Эксперты постоянно отмечают «усиление роли регулятора в платежно-финансовом секторе» (Синельникова-Мурылева, 2021: 13);
- современная сфера денежного обращения России представлена организациями различных форм собственности, в которой **государственные формы собственности играют все более значимую роль**. Рассмотрим верхний уровень – Центральный банк РФ. Формально это независимая структура²⁶, он не является органом государственной власти, однако, как отмечают юристы, обладает полномочиями, которые по своей правовой природе относятся к функциям государственной власти, поскольку их реализация предполагает применение мер государственного принуждения (Крылов, 2020). Одновременно уставный капитал и иное имущество Центробанка являются федеральной собственностью, а в своей деятельности он подотчетен Государственной думе Федерального собрания РФ, которая по представлению президента также назначает на должность председателя ЦБ. При этом «контроль над деятельностью ЦБ РФ со стороны исполнительной власти постоянно усиливается» (Трунин, Князев, Сатдаров, 2010: 66). Это является следствием того, что Центробанк, как полагают правоведы, в соответствии со ст. 34.1 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» выражает публичный интерес в сфере денежного обращения, который реализуется в формах поддержания ценовой стабильности и создания условий для сбалансированного и устойчивого экономического роста в стране (Крылов, 2021: 31). А что на нижнем уровне? Анализ показывает, что в структуре коммерческих банков постоянно растет доля банков с государственным участием. «По данным Ассоциации банков России, на 1 октября 2020 г. доля госбанков в активах сектора составляла 74%. ... Доля госбанков в совокупном капитале на 1 октября оценивалась в 70%, за три года она выросла на 4 п.п., но за семь лет – на 20 п.п.» (Кошкина, Старостина, 2021);
- новым элементом системы денежного обращения стала **биржа**. Биржа как институт существовала в дореволюционной России и в период НЭПа. Последняя биржа была закрыта в СССР в 1930 г. Современная Московская биржа создана в 2011 г. Она появилась в результате слияния Московской межбанковской валютной биржи (основана в 1992 г.) и биржи Российской торговой системы (основана в 1995 г.). Московская биржа организует

²³ Речь идет о дефолте по внутреннему долгу, номинированному в национальной валюте. Он был представлен в государственных краткосрочных обязательствах (ГКО).

²⁴ http://www.cbr.ru/about_br/history/

²⁵ См. Федеральный закон от 23.07.2013 г. № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с передачей Центральному банку РФ полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков»

²⁶ Свои функции и полномочия Центробанк РФ осуществляет независимо от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Независимость его статуса отражена в статье 75 Конституции Российской Федерации, а также в статьях 1 и 2 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» 2002 г. в редакции, действующей с 1 сентября 2021 г.

торги акциями, облигациями, производными инструментами, валютой²⁷, инструментами денежного рынка, драгоценными металлами, зерном и сахаром и участвует в формировании валютного курса. Котировки Московской биржи по торгам «доллар США – рубль» ЦБ РФ использует для установления официального курса доллара в стране. «В 2021 году доля биржи в общем объеме конверсионных операций на российском межбанковском валютном рынке по паре “доллар США – российский рубль” составляет 58%, по паре “евро – российский рубль” – 68%»²⁸. Более 30% уставного капитала Московской биржи принадлежит Центробанку, Сбербанку и Внешэкономбанку (все находятся под тем или иным контролем государства), а остальные акции расплывены между миноритарными (менее 5% уставного капитала) акционерами, в том числе более половины – между нерезидентами. В этих условиях положение Федерального закона № 251 от 23 июля 2013 г., ст. 49, обязывающее ЦБ выйти из состава акционеров Московской биржи до 1 января 2016 г., было признано нецелесообразным. ЦБ мотивировал это «развитием геополитической ситуации и необходимостью сохранения на неопределенное время всестороннего контроля регулятора за функционированием и развитием национальной биржевой структуры»²⁹. Таким образом, роль государства (хоть и опосредованная) в деятельности биржи, как и в банковской сфере, также является существенной;

- важным элементом системы регулирования денежного обращения является **Федеральное казначейство**. Оно было создано Указом Президента Российской Федерации от 8 декабря 1992 г. № 1556 (в принципиальном плане) и Постановлением Правительства России от 27 августа 1993 г. № 864 (в организационном плане) сначала в составе Министерства финансов, а с 2005 г. – как самостоятельный федеральный орган исполнительной власти (федеральная служба)³⁰. Таким образом, в постсоветской России возродился орган, который существовал в дореволюционной России. Его основная задача состоит в кассовом обслуживании и контроле исполнения бюджетов всех уровней – от федерального до местных, и распределении (по законодательно установленным нормативам) всех доходов, поступивших в бюджетную систему, между бюджетами разных уровней. Важнейшей новацией в организации денежного обращения стало создание казначейских счетов с 1.01.2021³¹. С их помощью Федеральное казначейство ужесточило контроль за целевым расходованием бюджетных средств. Данные лицевые счета стали необходимым условием для получения средств из бюджета. Если деньги на банковских счетах хозяйствующие субъекты (как компании госсектора, так и коммерческие структуры) могут расходовать по своему усмотрению, то использование денег с казначейских лицевых счетов жестко контролируется и соотносится с их назначением³². При несовпадении целевого предназначения с фактическими статьями затрат оплата с казначейских счетов не проводится. Теперь средства, выделяемые по национальным проектам и другим государственным назначениям, не могут «перетекать» в другие сферы. Тем самым создан новый канал направления «покупательной способности» денег на социально-экономическое развитие в соответствии с государственными приоритетами и публичным (общественным) интересом³³. Можно видеть, что обоснованная и проанализированная

²⁷ Валютные операции совершаются также на межбанковском рынке вне биржи путем купли-продажи свободных денежных ресурсов кредитных организаций в иностранной валюте, преимущественно в виде межбанковских депозитов, на основании спроса и предложения.

²⁸ Пресс-релиз Московской биржи от 10.04.2021 <https://www.moex.com/n33653/?nt=106> – Доступ 3 сентября 2021.

²⁹ Пресс-релиз ЦБ РФ от 2 апреля 2015 г. https://cbr.ru/press/pr/?file=02042015_102812if2015-04-02T10_23_50.htm – Доступ 3 сентября 2021.

³⁰ <https://roskazna.gov.ru/o-kaznachejstve/istoriya/>

³¹ См. совместное письмо Минфина России № 09-01-10/66747, Банка России № 04-45-7/5526, Казначейства России № 07-04-05/05-14880 от 29.07.2020 «О закрытии банковских счетов в связи с переходом на казначейское обслуживание».

³² Открытие таких счетов стало также реакцией на поведение российских банков во время кризиса 2008–2009 гг., когда перечисленные им средства, предназначенные для поддержки предприятий путем их кредитования, банки использовали для проведения более выгодных валютных операций (из доклада руководителя Федерального казначейства Артюхина Р.Е. «Новации бюджетного законодательства в системе обеспечения социально-экономического развития российского общества» на VIII Московском юридическом форуме, 8 апреля 2021, г. Москва).

³³ Выразителем общественного интереса в сфере денежного обращения выступают государство и государственные органы (Тихомиров, 1995: 55–56), в чьем ведении в соответствии с Конституцией Российской Федерации находятся такие вопросы, как финансовое и валютное регулирование, а также денежная эмиссия.

нами ранее модель финансирования реального сектора «государство как инвестор» (Кирдина, 2013) получает в России свое дальнейшее развитие.

Отмеченное усиление роли государственного управления в процессе денежного обращения связано с тем, что оно, как мы неоднократно уже отмечали, все более осознается как сфера публичного интереса, о чем российские правоведы активно пишут в последние годы (Саттарова, 2016; Крылов, 2016, 2018, 2020, 2021). На всех стадиях управленческого цикла (иницирование политики – формулировка политики и принятие государственных решений, прежде всего на уровне законодательства – реализация политики и административные меры – оценка и корректировка политики) структуры государственного управления все активнее действуют в сфере денежного обращения. Одновременно, в отличие от советской модели институционализации денежного обращения, в постсоветской России представлены новые «старые» институты, которые действовали в России до революции и во времена НЭПа. Можно видеть, что в ходе современной институционализации денежного обращения идет поиск институционального баланса, т.е. эффективного сочетания доминантных X-институтов и комплементарных Y-институтов с целью содействия развитию всей социально-экономической системы страны.

Заключение

Для исследования институционализации денежного обращения в постсоветской России мы использовали институционально-эволюционный подход, базирующийся на идеях известных гетеродоксальных экономистов Веблена и Шумпетера, а также Коммонса. Основное внимание было направлено на институциональные структуры, обеспечивающие денежное обращение, прежде всего на те из них, которые наиболее значимы с точки зрения публичного (общественного) интереса и развития всей социально-экономической системы. В свою очередь, реализация мезоэкономического подхода позволила рассмотреть институционализацию денежных оборотов с точки зрения их роли для экономической динамики, т.е. для обеспечения расширенного социально-экономического воспроизводства.

Сопоставление институционализации денежного обращения в СССР и в постсоветской России позволило обнаружить эффекты кумулятивной причинности и path dependence, обуславливающие развитие денежных институтов в исторической перспективе. Наряду с этим в эволюции институтов выявлены переходные периоды институционального обновления, которые сопровождаются как «взрывным» созданием новых структур, так и дискретными нарушениями существующих структур изнутри. В переходные периоды происходит также своего рода фильтрация новых институциональных форм с точки зрения их способности отвечать целям социально-экономического развития на национальном уровне. Те из них, которые способствуют достижению этих целей, закрепляются в общественной практике. В свою очередь, возникающие «сверху» или «снизу» структуры денежного обращения, не обеспечивающие достижение таких целей, подлежат коррекции или сходят на нет.

Накануне создания институциональной системы денежного обращения советского типа таким переходным периодом стали годы послереволюционного НЭПа, в ходе которого активно воссоздавались многие (не все) денежные структуры дореволюционной России. Однако предпринятая институционализация денежного обращения не позволила организовать перераспределение «покупательной способности» денег в пользу насущной модернизации народного хозяйства. Изменение трендов в институционализации денежного обращения, необходимых для решения данной задачи, выразилось в итоге в следующем дизайне советской модели: во-первых, действовала однозвенная, иерархическая централизованная банковская система с целевым характером банковского кредита и сосредоточением всего платежного оборота в Госбанке СССР; во-вторых, существовала «трехконтурная система» денежных оборотов с «наличными рублями» для обслуживания оборота потребительских товаров, «безналичными рублями» – для производственного потребления (инвестиций), и «инвалютными рублями» – для международных расчетов; в-третьих, оформилось организационное разделение денежных оборотов – оно регулировалось специально созданными для этих целей банковскими учреждениями. Это

были Гострудсберкасы, Стройбанк и Внешторгбанк соответственно; в-четвертых, институты денежного обращения представляли собой внутренний элемент системы планового народного хозяйства СССР и были органично встроены в нее.

Институционализации денежного обращения в постсоветской России также предшествовал переходный период, который пришелся на конец 1980-х – 1990-е гг. Попытка тотального замещения доминантных институтов X-матрицы в сфере денежного обращения институтами Y-матрицы привела к экономическому кризису 1998 г., сопровождавшемуся девальвацией национальной валюты и техническим дефолтом исполнения государственных обязательств. После кризиса сформировался обновленный контур институциональной системы денежного обращения со следующими чертами. Во-первых, в постсоветской России действует двухуровневая банковская система, верхний уровень которой представлен Центробанком, а нижний – банками и небанковскими кредитными организациями; во-вторых, в сфере денежного обращения нашей страны действуют организации различных форм собственности, при этом государственные формы собственности играют все более значимую роль; в-третьих, активно действует биржа, на которой торгуются акции, облигации, валюта и иные инструменты денежного рынка. Биржевые котировки лежат в основании официального валютного курса, устанавливаемого Центробанком РФ; в-четвертых, важным институтом, регулирующим денежное обращение, стало также Федеральное казначейство, опосредующее движение бюджетных средств. Дополнительным элементом контроля их использования стали «казначейские счета», на которые перечисляются и откуда используются бюджетные средства для выполнения государственных программ развития.

Подводя итоги исследования, можно видеть, что денежное обращение в постсоветской России проходит процесс институционального обновления, и поэтому, несомненно, речь идет о новой институционализации данной сферы. В то же время мы видим в ней черты, характерные для прошлых периодов. Так, повсеместно усиливается роль государства, что сближает институциональную структуру денежного обращения с периодом СССР. Одновременно в практику возвращаются формы времен дореволюционной России, хотя и в обновленном виде – речь идет о казначействе. Поэтому можно говорить о новой «старой» институционализации денежного обращения в постсоветской России. Одной из ее важнейших задач по-прежнему является достижение оптимальных мезоэкономических пропорций между распределением денежных потоков для обслуживания текущих и перспективных задач, т.е. для достижения целей расширенного социально-экономического воспроизводства.

Процесс институционализации сферы денежного обращения в стране продолжается. Основной вектор происходящих изменений связан, на наш взгляд, со все более осознаваемым характером общественной значимости данной сферы. «Денежное обращение, в той или иной степени, опосредует любую сферу общественной жизни. Указанное обстоятельство предопределяет потребность в денежном обращении у всего общества, возводящего его в ранг публичной потребности» (Крылов, 2021: 31). Поэтому государственное управление процессами денежного обращения будет, скорее всего, возрастать. Институциональные формы, в которых это будет происходить, нам еще предстоит увидеть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Андрюшин С.А. (1998). *Банковская система России: особенности эволюции и концепции развития*. М.: Институт экономики РАН. 321 с.
- Балацкий Е.В. (2020). «Институциональная ловушка»: научный термин и красивая метафора // *Journal of Institutional Studies* 12(3): 24–41. [Balatsky, E.V. (2020). “Institutional trap”: Both a productive concept and a fine metaphor. *Journal of Institutional Studies* 12(3): 24–41. (In Russian).] DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.3.024-041
- Баранов Г. (2017). Сотвори себе банкира. 30 лет последней банковской реформе СССР // *Журнал «Коммерсантъ Деньги»*. 18.02.2017. [Baranov, G. (2017). Make yourself a banker. 30 years of the last banking reform of the USSR. *Zhurnal “Kommersant Den’gi”*. 18.02.2017. (In Russian).]

- Белоглазова Г.Н., Толоконцева Г.В. (2013). *Денежное обращение и банки: Учебное пособие*. М.: Финансы и статистика. 272 с. [Beloglazova, G.N., Tolokontseva, G.V. (2013). *Money Circulation and Banks: A Textbook*. Moscow: Finansy i statistika. 272 p. (In Russian).]
- Боулз С. (2011). *Микроэкономика. Поведение, институты и эволюция*. М.: Дело. 576 с. [Bowles, S. (2011). *Microeconomics. Behavior, Institutions, and Evolution*. Moscow: Delo. 576 p. (In Russian).]
- Веблен Т. (2006 [1898]). Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной / *Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса*. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. С. 10–32. [Veblen, T. (2006) [1898]. Why economics is not an evolutionary discipline. *Origins. From the Experience of Studying Economics as a Structure and a Process*. Moscow: Izd. dom GU-WCHE. P. 10–32. (In Russian).]
- Верников А.В., Кирдина С.Г. (2010). Эволюция банков в X- и Y-экономиках / *Эволюционная экономика и финансы: инновации, конкуренция, экономический рост* / Под редакцией В.И. Маевского и С.Г. Кирдиной. М.: Институт экономики РАН. С. 246–280. [Vernikov, A.V., Kirdina, S.G. (2010). Evolution of banks in X- and Y-economies. *Evolutionary Economics and Finance: Innovation, Competition, Economic Growth*. Eds. V.I. Maevsky and S.G. Kirdina. Moscow: Institute of Economics, RAS. P. 246–280. (In Russian).]
- Верников А.В. (2020). «Институциональная ловушка»: научный термин или красивая метафора? // *Journal of Institutional Studies* 12(2): 25–37. [Vernikov, A. V. (2020). How much substance is there behind the concept of “Institutional Trap”? *Journal of Institutional Studies* 12(2): 25–37. (In Russian.)] DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.2.025-037
- Вольчик В.В. (2012). Институциональные изменения: на пути к созданию общей теории // *Journal of Institutional Studies* 4(4): 4–6. [Volchik, V.V. (2012). Institutional change: Towards a general theory. *Journal of Institutional Studies* 4(4): 4–6. (In Russian).]
- Говтвань О.Д. (2020). Подход к формированию альтернативной теории денег // *Экономика. Налоги. Право* 13(5): 54–61 [Govtvan, O.D. (2020). An approach to the formation of an alternative theory of money. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* 13(5): 54–61. (In Russian).] DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-5-54-61
- Гуля Е.Г., Кудревич В.В. (2021). Современные аспекты денежного обращения в России // *International Journal of Humanities and Natural Sciences* 4–3(55): 120–122. [Gulya, E.G., Kudrevich, V.V. (2021). Modern aspects of monetary circulation in Russia. *International Journal of Humanities and Natural Sciences* 4–3(55): 120–122. (In Russian).] DOI: 10.24412/2500-1000-2021-4-3-120-122
- Гусаков А.Д., Дымшиц И.А. (1951). *Денежное обращение и кредит в СССР*. М.: Госфиниздат. 311 с. [Gusakov, A.D., Dymshits, I.A. (1951). *Monetary Circulation and Credit in the USSR*. Moscow: Gosfinizdat. 311 p. (In Russian).]
- Декреты Советской власти. (1957). Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. литературы. [Decrees of the Soviet Government. (1957). Vol. 1. Moscow Gos. Izd-vo polit. Literatury. (In Russian).]
- Делягин М.Г. (1997). *Экономика неплатежей: Как и почему мы будем жить завтра*. М.: Держава. 398 с. [Delyagin, M.G. (1997). *The Economy of Nonpayment: How and Why We Will Live Tomorrow*. Moscow: Derzhava. 398 p. (In Russian).]
- Денежное обращение в СССР в 1986–1991 годах (ведомственные материалы). (2011) / *По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации*. Вып. 12. М.: Центральный банк Российской Федерации. С. 1–120. [Money circulation in the USSR in 1986–1991. (2011). *Through the Pages of the Archival Funds of the Central Bank of the Russian Federation*. Issue 12. Moscow.: Tsentralynyi Bank Rossiyskoy Federacii. (In Russian).]
- Кара-Мурза С.Г. (2016). *Советская цивилизация. Главная книга об СССР. Одним томом*. Т. 1. М.: ТД Алгоритм. 1280 с. [Kara-Murza, S.G. (2016). *Soviet Civilization. The main Book about the USSR. In One Volume*. Vol. 1. Moscow: TD Algoritm. 1280 p. (In Russian).] http://www.kara-murza.ru/books/sc_a/sc_a34.htm#hdr_48 (доступ 12 июля 2021 – access 12.07.2021)
- Кирдина С.Г. (2013). Институциональные модели финансирования реального сектора // *Журнал Новой экономической ассоциации* 2(18): 129–157. [Kirdina, S.G. Institutional Models of Real

- Sector Financing. *Zhournal Novoi Ekonomicheskoi Assotsiatsii [The Journal of the New Economic Association]* 2(18): 129–157. (In Russian).]
- Кирдина С.Г. (2014 [2000]). *Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию*. 3-е изд., переработанное, расширенное и иллюстрированное. М.–СПб.: Нестор-История. 468 с. [Kirdina, S.G. (2014 [2000]). *Institutional Matrices and Development of Russia. An Introduction to X&Y Theory*. 3rd edition. Moscow, Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian).]
- Кирдина-Чэндлер С.Г., Кузнецова А.Н., Сенько О.В. (2015). Климат и институциональные матрицы: межстрановой анализ // *Социологические исследования* 9: 3–13. [Kirdina-Chandler, S.G., Kuznetsova, A.V., Sen'ko, O.V. (2015). Climate and institutional matrices: cross-country analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]* 9: 3–13. (In Russian).]
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2019). Механизм денежного обращения как объект мезоэкономического анализа // *Journal of Institutional Studies* 11(3): 7–20. [Kirdina-Chandler, S.G. (2019). Mechanism of money circulation as a subject of mesoeconomic analysis. *Journal of Institutional Studies* 11(3): 7–20. (In Russian).] DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.3.007-020
- Коммонс Дж. (2012) Институциональная экономика // *Terra Economicus* 10(3): 69–76. [Commons J. (2012). Institutional economics. *Terra Economicus* 10(3): 69–76. (In Russian).]
- Кошкина Ю., Старостина Ю. (2021). Правительство рассмотрит запрет на покупку банков государством. Помогут ли новые ограничения нарастить долю частного бизнеса в финансовом секторе // *Финансы*. 15 января 2021. [Koshkina, Yu., Starostina, Yu. (2021). The government will consider a ban on the purchase of banks by the state. Will the new restrictions help to increase the share of private business in the financial sector? *Finansy [Finance]*. January 15, 2021. (In Russian).] <https://www.rbc.ru/finances/15/01/2021/600059d99a79475c62bc109e> (доступ 3 сентября 2021 – access 3.09.2021)
- Кротов Н. (2008а). История советской банковской реформы 80-х годов XX века. Спецбанки. М.: АНО «Экономическая летопись». 632 с. [Krotov, N. (2008). *History of the Soviet banking reform in the 80s of the XX century. Special Banks*. Moscow: ANO Ekonomicheskaya letopis'. 632 p. (In Russian).]
- Кротов Н. (2008b). История советской банковской реформы 80-х годов XX века. Первые коммерческие банки (1988–1991). М.: АНО «Экономическая летопись». 632 с. [Krotov, N. (2008b). *History of the Soviet banking reform in the 80s of the XX century. First commercial banks (1988–1991)*. Moscow: ANO Ekonomicheskaya letopis'. 632 p. (In Russian).]
- Крылов О.М. (2016). Виды денежного обращения // *Административное и муниципальное право* 6: 533–539. [Krylov, O.M. (2016). Types of monetary circulation. *Administrativnoye i munitsipal'noye pravo* 6: 533–539. (In Russian).] DOI: 10.7256/2454-0595.2016.6.19076
- Крылов О.М. (2018). Понятие правовой категории «денежное обращение» и ее соотношение с правовой категорией «денежный оборот» // *Административное и муниципальное право* 3: 27–35. [Krylov, O.M. (2018). The concept of the legal category “money circulation” and its relationship with the legal category “money turnover”. *Administrativnoye i munitsipal'noye pravo* 3: 27–35. (In Russian).] DOI: 10.7256/2454-0595.2018.3.26187
- Крылов О.М. (2020). Организация денежного обращения как функция государства // *Журнал юридических исследований* 5(4): 34–43. [Krylov, O.M. (2020). Organization of money circulation as a function of the state. *Journal of Legal Research [Zhurnal yuridicheskikh issledovaniy]* 5(4): 34–43. (In Russian).]
- Крылов О.М. (2021). Денежное обращение и его организация в Российской Федерации как публичные потребность и интерес // *Административное и муниципальное право* 1: 30–38. [Krylov, O.M. (2021). Monetary circulation and its organization in the Russian Federation as a public need and interest. *Administrativnoye i munitsipal'noye pravo* 1: 30–38. (In Russian).] DOI: 10.7256/2454-0595.2021.1.33746
- Месропян М., Орлова Ю. (2015). ЦБ опасается поглощения иностранцами Московской биржи // *Ведомости* 22 апреля 2015. [Mesropyan, M., Orlova, Yu. (2015). The Central Bank fears the

- takeover of the Moscow Exchange by foreigners. *Vedomosti*. April 22, 2015. (In Russian.)] <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2015/04/23/tsb-opasaetsya-pogloscheniya-inostrantsami-moskovskoi-birzhi> (доступ 3 сентября 2021 – access 3.09.2021)
- Полищук А.И. (2013). Распад денежно-кредитной системы СССР: двадцать лет спустя // *Финансы и кредит* 45(575): 29–40. [Polishchuk, A.I. (2013). The collapse of the monetary system of the USSR: twenty years later. *Finansy i Kredit [Finance and credit]* 45(575): 29–40. (In Russian).]
- Самохин Ю.М. (2001) *Экономическая история: Учебное пособие*. М.: Изд-во ГУВШЭ. 405 с. [Samokhin, Yu.M. (2001). *Economic History: Textbook*. Moscow: Izd-vo GY-VCHE. 405 p. (In Russian).]
- Саттарова Н.А. (2016). Денежное обращение: особенности реализации публичного интереса // *Финансовое право* 2: 8–10. [Sattarova, N.A. (2016). Money circulation: features of the realization of public interest. *Finansovoe Pravo [Financial Law]* 2: 8–10. (In Russian).]
- Синельникова-Мурылева Е.В. (2021). Цифровой рубль: риски и выгоды // *Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития России* 8(140): 13–16. [Sinelnikova-Muryleva, E.V. (2021). The digital ruble: risks and benefits. *Monitoring the Economic situation in Russia. Trends and Challenges of Socio-Economic Development of Russia* 8(140): 13–16. (In Russian).]
- Тамбовцев В.Л. (2021). Возможна ли единая институциональная экономическая теория? // *Вопросы экономики* 1: 33–51. [Tambovtsev, V.L. (2021). Is unified institutional economics possible? *Voprosy Ekonomiki* 1: 33–51. (In Russian).] DOI: 10.32609/0042-8736-2021-1-33-51
- Тихомиров Ю.А. (1995). *Публичное право*. М.: Издательство БЕК. 339 с. [Tikhomirov, Yu.A. (1995). *Public Law*. Moscow: Izdatel'stvo BEK. 339 p. (In Russian).]
- Трунин П.В., Князев Д.А., Сатдаров А.М. (2010). *Анализ независимости центральных банков РФ, стран СНГ и Восточной Европы*. М.: Фонд «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара». 76 с. [Trunin, P.V., Knyazev, D.A., Satdarov, A.M. (2010). *Analysis of the Independence of the Central Banks of the Russian Federation, CIS Countries And Eastern Europe*. Moscow: Fond "Institut ekonomicheskoy politiki im. Ye.T. Gaydara". 76 p. (In Russian).]
- Уразова С.А. (2008). Кредитная система СССР в период НЭПа // *Финансы и кредит* 37(325): 69–80. [Urazova, S.A. (2008). The credit system of the USSR during the NEP period. *Finansy i kredit [Finance and credit]* 37(325): 69–80. (In Russian).]
- Фролов Д.П. (2020). Постинституционализм: за пределами институционального мейнстрима // *Вопросы экономики* 5: 107–140. [Frolov, D.P. (2020). Post-institutionalism: Beyond the institutional mainstream. *Voprosy Ekonomiki* 5: 107–140. (In Russian).] DOI: 10.32609/004287362020-5-107-140
- Челноков В.А. (2008). *Эволюция денег, кредита и банков*. М.: Финансы и статистика. 257 с. [Chelnokov, V.A. *Evolution of Money, Credit and Banks*. Moscow: Finansy i statistika. 257 p. (In Russian).]
- Шумпетер Й.А. (2004). *История экономического анализа: В 3-х т. / Пер. с англ., под ред. В.С. Автономова*. Т. 1. СПб.: Экономическая школа. LVI + 496 с. [Schumpeter, J.A. (2004). *History of Economic Analysis: In 3 volumes*. Ed. V.S. Avtonomov. Vol. 1. Saint-Petersburg: Ekonomicheakaya shkola. LVI + 496 p. (In Russian).]
- Arthur, W.B. (1994). *Increasing Returns and Path Dependence in the Economy*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Commons, J.R. (1934). *Institutional Economics: Its Place in Political Economy*. New Brunswick and London: Transaction Publishers.
- Davanzati, G., Pacella, A. (2014). Thorstein Veblen on credit and economic crises. *Cambridge Journal of Economics* 38(5): 1043–1061. DOI: 10.1093/cje/beu002
- David, P.A. (1985). Clio and the economics of QWERTY. *American Economic Review* 75(2): 332–337.
- Festré, A., Nasica, E. (2009). Schumpeter on money, banking and finance: an institutionalist perspective. *The European Journal of the History of Economic Thought* 16(2): 325–356. DOI: 10.1080/09672560902891101

- Godley, W., Lavoie, M. (2007). *Monetary Economics: An Integrated Approach to Credit, Money, Income, Production and Wealth*. Basingstoke, Hampshire, UK Palgrave Macmillan.
- Kirdina, S., Vernikov, A. (2013). Evolution of the banking system in the Russian context: An institutional view. *Journal of Economic Issues* 47(2): 475–484. DOI: 10.2753/JEI0021-3624470221
- Lakomski-Laguerre, O. (2016). Joseph Schumpeter's credit view of money: A contribution to a "Monetary Analysis" of capitalism. *History of Political Economy* 48(3): 489–514. DOI: 10.1215/00182702-3638655
- Lawson, T. (2014). Process, Order and Stability in Veblen. *Cambridge Journal of Economics* 39: 993–1030. DOI: 10.1093/cje/beu045
- Liebowitz, S.J., Margolis, S.E. (1995). Path dependence, lock-in and history. *Journal of Law, Economics and Organization* 11(1): 205–226. DOI: 10.1093/oxfordjournals.jleo.a036867
- Mann, M. (1986). *The Sources of Social Power*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Myrdal, G. (1944). *An American Dilemma: The Negro Problem and Modern Democracy*. New York, London: Harper & Bros.
- North, D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ricks, M. (2019). Money as infrastructure. *Columbia Business Law Review* 2018(3): 757–851. DOI: 10.7916/cblr.v2018i3.1707
- Sakaguchi, A. (2020). On the institutional theory of money: Learning from J. R. Commons' institutional economics. *Journal of Economic Issues* 54(4): 975–986. DOI: 10.1080/00213624.2020.1818506
- Schumpeter, J.A. (1934). *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Schumpeter, J.A. (1939). *Business Cycles: A Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process*. 2 vols. New York: McGraw-Hill.
- Veblen, T. (1898). Why Is Economics Not an Evolutionary Science? *Quarterly Journal of Economics* 12(3): 373–397.
- Veblen, T. (1899). *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. New York: MacMillan Company.
- Veblen, T. (1958). *The Theory of Business Enterprise*. A Mentor Book. New York: The New American Library of World Literature, Inc.
- Wray, R.L. (2007). Veblen's theory of business enterprise and Keynes's monetary theory of production. *Journal of Economic Issues* 41(2): 617–624. DOI: 10.1080/00213624.2007.11507052